

ТЭФФИ

Надежда Тэффи

Яго

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=662125

Аннотация

«Кто из нас не слышал легенд о каких-нибудь зловещих алмазах, приносящих несчастье своим обладателям? Но говорят о них только потому, что это предметы дорогие, драгоценные, от которых и пострадать лестно. О какой-нибудь сковороде, срывающейся с кухонной полки и калечащей подряд двух хозяйских кошек, рассказывать никто не станет. Мелко. Кухня, кошки, сковорода – что за тема для разговора?!..»

Надежда Тэффи

Яго

Все мы знаем, что бывают люди симпатичные и несимпатичные. Это совершенно независимо от того, что сделают они нам зло или будут добры к нам.

Симпатичный человек иногда так обведет вас вокруг пальца, так использует свою симпатичность для собственной выгоды, что вы потом долго удивляетесь, как могли попасться на удочку такому прохвосту.

Но в защиту нас, ротозеев, является так называемая репутация. Относительно некоторых «симпатичных» личностей предупреждают и предостерегают.

Да и вообще, мы ведь знаем, в нашей судьбе тот или иной человек может сыграть большую роль, и мы всегда как бы начеку против людей малоизвестных, неизученных. Если и попадемся, то отчасти сами и виноваты.

Но в чем мы совершенно беззащитны, это в отношении к нам вещей. Станным, пожалуй, покажется такое выражение «отношение вещей». Как может «относиться» неодушевленный предмет?

Вот именно потому, что мы этого не понимаем, мы и беззащитны.

Кто из нас не слышал легенд о каких-нибудь зловещих алмазах, приносящих несчастье своим обладателям? Но гово-

рят о них только потому, что это предметы дорогие, драгоценные, от которых и пострадать лестно. О какой-нибудь сковороде, срывающейся с кухонной полки и калечащей подряд двух хозяйских кошек, рассказывать никто не станет. Мелко. Кухня, кошки, сковорода – что за тема для разговора?!

Но оставим сковороду. Перейдем к предмету более бонтонному¹.

Каждая дама знает, что есть платья счастливые и несчастные. Счастливое платье может быть и не очень удачное, старенькое и даже не к лицу, но если наденешь его, всегда чувствуешь себя довольной, веселой, все дела удаются, все люди любезны и ласковы.

Несчастное платье может быть очаровательным, дорогим, очень идущим к лицу, прекрасно сидящим, возбуждающим восторг и зависть. А между тем – наденешь его и жизни не рад.

Тот, ради которого оно надето, либо совсем в обществе не появится, либо, появившись, выкажет полное равнодушие или даже неприязнь, совершенно неизвестно почему.

Особа, нарядившаяся в несчастное платье, будет скучать, чувствовать себя обиженной, одинокой, никому не нужной. И от этого сознания станет неловкой, ненаходчивой, неостроумной и даже прямо несчастной.

И это, заметьте, каждый раз, когда она надевает это пла-

¹ Приличному (от фр. bon ton – хороший тон).

тье.

Психологически, конечно, начнут объяснять так: первый раз, когда дама надела это платье, ей почему-то не повезло, и вот впоследствии каждый раз, надевая его, она подсознательно тревожилась, ожидая повторения неприятных впечатлений, и эта тревога угнетала ее, делала неуверенной, неловкой, а потому и неинтересной в обществе.

Ну так я вам скажу, что это совершенно неверно. Дама, заплатившая дорого за свое платье и считающая его удачным, ни в какое подсознательное не допустит мысли, что это от него ей не везет. Нужен долгий и очень сознательный опыт, чтобы она пришла к выводу: «А ведь каждый раз, когда я надеваю свое прелестное платье, меня ждут неудачи». Потому что вывод этот несет катастрофу: выбросить платье.

Бывают «небезучие» мелочи туалета, часы, кольца, карандаши.

Бывает так, что какая-нибудь довольно громоздкая часть мебели въедет в квартиру и испортит жизнь в ней живущим, перессорит, разлучит, насплетничает, оклеветает. И никому в голову не придет, что виновата именно эта проклятая штука.

Вот, например, был у моей приятельницы зеркальный шкаф. Самой обыкновенной ореховой внешности, внутри разделенный продольной перегородкой, – чтобы по правую сторону вешать на крючки платья, а по левую класть на полочки белье и мелочи.

Словом, такая банальная штука, что и описывать ее совместно. И вот – можно ли было подумать, что эта простая на вид штука способна сыграть роль доносчика, шпиона, предателя, шекспировского Яго.

Стоял этот шкаф в спальне, а так как квартира была стиля модерн, то дверей в спальню не было, а соединялась она с гостиной большой аркой. Шкап стоял посреди стены, а против него на стене гостиной висело зеркало, как-то наискосок и так лукаво, что, в какой угол ни зайди, непременно в шкапу отразишься.

Муж моей приятельницы был человек занятой и приходил домой в самое неопределенное время, отпирая дверь своим ключом.

И вот первое, что ему бросилось в глаза, – это было отражение в зеркале того, что происходит в доме. Лукавая вещь ухитрялась через какую-то блестящую поверхность, через узенькое зеркальце над буфетным ящиком, ловить даже то, что делается в столовой и даже в коридоре. Как сплетник и доносчик, шкаф бежал впереди всех навстречу хозяину и, торопясь и перевирая, докладывал ему обо всем.

Тщетно убеждала его жена, что зеркало в шкапу испорчено.

– Кто это шмыгнул по коридору на черную лестницу? – мрачно спрашивал муж.

– Да ровно никто! – в благородном негодовании отвечала жена. – Пойди посмотри, там никого нет. Ты безумец!

– Какой смысл смотреть, – упорствовал безумец. – Что же, он будет ждать, чтобы я подошел и набил ему физиономию?

Под разными предлогами жена пробовала переставлять шкаф. Но он тогда перемигивался с зеркалом в передней, и спрятаться от него нельзя было даже в ванной.

Отвратительнее всего, по словам невинно потерпевшей, или, вернее, невинно терпящей, было то, что шкаф врал. Он отражал то, чего никогда не было.

– Понимаете? – говорила она. – Вроде как мираж в пустыне. Мало ли есть на свете таких обманов зрения, слуха и так далее.

Да, именно «и так далее». Шкап обманывал «так далее».

Однажды, вернувшись домой, владелец проклятого шкапа увидел в его зеркале свою жену, полулежащую в грациознейшей позе на диване и рядом с ней обнимающего ее господина.

Владелец шкапа шагнул в комнату и увидел, что рядом с его женой сидит доктор Ферезев, их постоянный врач. Доктор, вероятно, только что выслушал легкие жены шкапового владельца, потому что тут же на столе лежала трубочка, приспособленная для этого дела.

Жена молчала, выпучив глаза. Зато доктор неестественно восторженно и громко воскликнул:

– А вот и наш муж!

Воскликнул и снова повторил:

– А вот и наш муж!

А потом еще и еще, и все скорее, и все глупее, пока пораженный всем этим муж не спросил наконец:

– Разве ты больна?

На что жена отвечала совершенно некстати обиженным тоном:

– Доктор находит, что я кашляю. Вечно ты придираешься.

Собственно говоря, ничего удивительного и подозрительного тут не было. Зашел доктор, нашел у нее кашель. Кашля до сих пор не было, но на то у него наука, чтобы разыскать скрытое зло. Поискал и нашел. А шкаф отразил ерунду. Отразил дело в ракурсе, и получилась оскорбительная для супружеской чести ерунда. Странно только, что доктор, вместо того чтобы поздороваться, стал кричать, как попугай. Но, впрочем, нельзя же ему это серьезно поставить в вину. Тем более что возглас был радостный и, так сказать, приветственный. Если бы он, что называется, «влопался», так, скорее всего, закричал бы «черт возьми!» и, уж конечно, без всякого ликования. Так думал муж, и дело сошло гладко.

Но шкаф думал иначе.

Недельки через две после описанного случая муж, вернувшись домой, увидел в бросившемся ему навстречу шкапу свою жену, на этот раз стоящую посреди комнаты. В этой невинной позе стояла она не одна. Ее обнимал какой-то неизвестный субъект и, если верить шкапу, целовал ее прямо в губы. Затем жена чуть-чуть повернула голову, и в шкапу показались ее глаза, сначала обычного размера и обычной

формы, но мало-помалу они стали круглеть и вылезать наружу. Потом она отвернулась и, оттолкнув субъекта, сказала:

– Надо завести граммофон, а так у нас ничего не выйдет.

Субъект странно загоготал, но, повернув глаза, встретился в зеркале с глазами, которых, очевидно, не ожидал, и осекся.

– Это ты, Вася? – вполне естественным тоном сказала жена. – Заведи, дружок, граммофон. Вот мосье Пирожников так любезен, что согласился научить меня новому танцу.

Значит, шкап опять наврал, опять подстроил ракурсы и опять оставил его в дураках с его ревностью и подозрительностью.

Мосье Пирожников оказался вдобавок совершеннейшим кретином и к тому же кретином несветским. Он молча взял свою шляпу, поклонился и вышел. Словно его выгнали.

– Он робкий и простачок, – объяснила жена.

Конечно, такой не мог ей нравиться.

Гроза пролетела мимо, но шкап не успокоился. Он сделал такую подлость, на какую может быть способен только человек. Да и не всякий человек, а исключительно мстительный и злощий. Яго.

Между прочим – почему все так злобно нападают на Яго? Ведь у Шекспира есть ясный намек на былой флирт Отелло с женой Яго. Следовательно, Яго, разбивая счастье мавра, мстил из ревности. Он, значит, был тоже Отелло (употребляя это имя как имя нарицательное).

Но вернемся к шкапу.

Шкап был хуже Яго. Никто его супружеской чести не оскорблял, и он не страдал ревностью. Но сделал он следующее.

Однажды владелец его в отсутствие жены долго искал какой-то галстук и, не найдя, решил, что жена сунула его в свой шкаф.

Браня жену за безалаберность, он сердито дернул зеркальную дверцу, и в то же мгновение с верхней полки вылетел перевязанный легкой ленточкой пакет, щелкнул его по лбу и осыпал с головы до ног письмами.

– Вот, мол, дурак. Надо тебя по лбу щелкнуть, чтобы ты поверил.

Жертва шкапа долго сидела на полу, читала писанное разными почерками:

«...приду, когда твоего болвана не будет дома...»

«...знаю, что ты горишь, но и я сам горю...»

«...что может быть блаженней твоих объятий...»

«...люблю, когда ты шепчешь „еще, еще“».

Жертва читала, с недоумением и даже любопытством спрашивая:

– А это кто же?

– Ну а это-то кто?

А шкаф торжествующе отражал его физиономию – растерянную, несчастную и глупую.